

стран безболезненно адаптироваться к новому социально-культурному пространству и быстрее пройти процесс аккультурации.

Литература

1. Садохин, А. П. Межкультурные коммуникации / А. П. Садохин. – М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2014. – 288 с.
2. Шарапо, А. В. Белорусско-китайское сотрудничество: экономические и политические факторы / А. В. Шарапо // Международное право и международные отношения. – 2018. – № 2. – С. 41–56.
3. Шкутько, О. Н. Перспективы научно-исследовательского сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики / О. Н. Шкутько // Международное право и международные отношения. – 2008. – № 3. – С. 131–139.
4. У, Сяоцзю. Беларусь и Китай: горизонты сотрудничества / Сяоцзю У, В. М. Мацель // Проблема управления. – 2002. – № 2. – С. 91–99.

Ли Сюэсинь,

научный руководитель А. И. Смолик,
доктор культурологии, профессор,
заведующий кафедрой культурологии,
Белорусский государственный университет культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)
lixuexin0828@gmail.com

ПЕРСНИФИКАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ КОСМОГОНИИ В КИТАЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МИФОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируются с позиций компаративистики тождественные мифологические образы, содержащиеся в космогонических мифах белорусского и китайского народа. Отмечается, что в них имеется ряд аналогичных мотивов и сюжетов, повествующих о происхождении Вселенной. Персонажи мифов обоих народов совершают одни и те же действия, направленные на превращение хаоса в космос, только имеют разные имена.

Ключевые слова: персонификация, божество, космос, хаос, миф, яйцо, небо, земля, Беларусь, Китай.

Li Xuexin,
Scientific supervisor A. I. Smolik,
Doctor of Cultural Studies, Professor,
Head of the Department of Cultural Studies,
Belarus State University of Culture and Arts
(Minsk, Republic of Belarus)
lixuexin0828@gmail.com

PERSONIFICATION OF COSMOGONY CHARACTERS IN CHINESE AND BELARUSIAN MYTHOLOGY

Abstract. *The article analyzes identical mythological images contained in the cosmogonic myths of the Belarusian and Chinese people from the standpoint of comparative studies. It is noted that they contain a number of similar motifs and plots that talk about the origin of the Universe. Despite having distinct names, the characters in both peoples' mythologies carry out the identical deeds meant to transform chaos into space.*

Keywords: *personification, deity, space, chaos, myth, egg, sky, earth, Belarus, China.*

В процессе культурно-исторического развития белорусским и китайским народами были созданы самобытные и уникальные мифологические системы, отражающие явления природы и духовной жизни этнических сообществ Китая и Беларуси в ценностно-символических художественных обобщениях. Значительный пласт китайской и белорусской мифологии составляют космогонические мифы, в которых воплощены представление субъектов традиционной культуры обеих стран о возникновении мироздания из хаоса. Эти представления занимали важное место в картине мира китайских и белорусских этносов. Когда первопредками китайцев и белорусов конструировались представления о происхождении Вселенной, описание хаотического состояния часто было абстрактным выражением в форме образной метафоры. На ее основе ими создавались важнейшие космогонические мифы и ритуальные практики. Центральным мифом в космогонии Китая и Беларуси является миф о превращении хаоса в космос. Понятие хаоса, произошедшее от греческого слова *cha*, означающего рот или открытое пустое пространство, традиционно понималось предками китайцев и белорусов как состояние бесформенной, неупорядоченной материи, содержащей в себе потенциал различных форм.

Фрагмент мифа в древнем литературном произведении «Книга Перемен» (IV в. до н. э.) описывает хаос как изначальное, недифференцированное водное пространство, характеризующееся абсолютной тьмой

[6]. Анализ белорусской мифологии свидетельствует также о наличии в ней мифов о создании космоса из хаоса, который конструировался в сознании предков белорусов как безграничное водное пространство. Говорят, что птица Феникс плавала в этом изначальном пространстве. В традиционном мировоззрении эта птица символизирует ранние этапы космогенеза, а ее яйцо представляет собой животворящую силу, противодействующую хаосу. В традиционной культуре белорусов яйцо являлось одним из ритуальных элементов. Его весной катали в поле. Перед посевом льна крестьянин должен был обязательно съесть яйцо. Им поглаживали спину домашних животных перед первым выпасом. До настоящего времени яйцо играет важную роль в пасхальных и радуничных обрядах.

Субъекты китайской мифологии представляли хаос как водную стихию с большим яйцом, в котором из ниоткуда появился великан Паньгу. Легенда гласит, что после 18 тыс. лет сна в яйце он проснулся и расколол его огромным топором. Все тяжелое, темное и грязное (Инь) опустилось вниз и образовало землю, в то время как все светлое, яркое и чистое (Ян) поднялось из него и образовало небо [7, с. 116]. Между ними Паньгу менялся девять раз каждый день. Земля становилась толще на один чжан каждый день, а небо поднималось на один чжан в день. В течение 18 тыс. лет Паньгу рос на один чжан в день. Постепенно земля стала очень глубокой, а небо – выше. Сам Паньгу стал мудрецом на земле и божеством на небе.

Таким образом, мифологический образ Паньгу как первотворца всего сущего занимает центральное место в китайской мифологии из-за своего богатого подтекста и особого характера его передачи. Смыслы, содержащиеся в данном мифе, возможно, раскрыть через хронотоп, т. е. единство пространственных и временных параметров. Поскольку осознание времени было пространственным, одновременно сакрализированным и эмоционально окрашенным, люди в древней китайской цивилизации имели предметно-чувственное, вневременное пространственно-временное мышление. Древний культурный хронотоп, по мнению русского философа М. М. Бахтина, был сконструирован мифом, в котором пространство (космос) одушевлено, а время циклично [1]. Следовательно, пространство и время, как их концептуализировали создатели мифов, были представлены как взаимосвязанные координаты в едином четырехмерном континууме, осмысленно переплетенные с реальностью, которую они стремились представить.

В архаических обществах Беларуси и Китая мифы, конструируемые в результате бессознательной художественной обработки субъектами традиционной культуры, часто были тесно связаны с религией. Широко распространено в мифологии белорусов предание о создании мира

Богом. Миф повествует: «Уздумаў Бог, што у ваднай прасторы ляжыць кавалак зямлі, і кажа чалавеку: «Дастань-ка ты тую зямлю». Чалавек нырнуў у акеан і прынес зямлю Богу. Тады Гасподзь пачаў рассыпаць зямлю па вадзе. Куды не сыпне, ўтвараецца суша; і рассыпаў усю зямлю. Так і стварылася зямля» [2, с. 38].

В попытке постичь происхождение мира и его составляющих, звезд и планет, животных и растений, а также человека народы Беларуси и Китая создали огромное количество мифов. Исследование тематики, содержания, семантики белорусской и китайской народной мифологии показывает, что в ней важное место занимают солярные мифы, в которых отражаются взгляды древних китайцев на происхождение Вселенной, взаимоотношение человека с окружающей его средой.

Представления белорусов о происхождении небесных тел можно проследить, изучая белорусские сказки. Истоком мифов о происхождении луны, солнца и звезд, несомненно, были библейские сюжеты. Так, в мифах повествуется, что «месяцу Бог вялеў свяціць людзям уночы, пакуль сонейка спачывае» [2, с. 316]. С позиций религиозных представлений объясняется также рождение звезд. В мифах они предстают как дети «маці-Сонца» и «бацькі-Месяца»: «Ясен месіц (Віцютка-пан), // Ясна заря (яго жана)», // Дробныя звезды (яго дзеткі) » [2, с. 195]. Тянь («небо»), высший дух, высший правитель и высшая небесная сила, которая посылала награды и наказания на землю, был основным образом в китайских солнечных мифах [3, с. 384]. Китайцы представляли его вертикальную модель как Небеса, состоящие из девяти небесных сфер, расположенных одна над другой. Пять движущихся принципов (металл, дерево, огонь, вода и земля), а также люди и их правители были созданы им. Тянь произвел много вещей из своей связи с Землей. Каждая сфера имела своих собственных верховных божеств в китайской мифологии. Согласно поздней китайской народной мифологии, Тянь-ди был небесным героем-демиургом, который наблюдал за всеми духами и божествами [4, с. 707]. Небесной императрицей была Тянь-хо [3, с. 384]. Небесное божество Тайи («великое единство») также засвидетельствовано в самых ранних слоях китайской мифологии.

В соответствии с мифологией богом солнца и лета, повелителем юга был Янь-ди. Бог огня Чжужун («Огненная змея»), имевший человеческое лицо и тело животного, обитал на небе рядом с ним. В огненной колеснице, запряженной двумя огромными драконами, он парил по небу. Чжужун был олицетворением лета, связанным с теплом и солнечными условиями. Богиня молнии Дянь-му и божество грома Лэй-гун были частью солнечного пантеона божеств. Она держала два зеркала в своих руках во время грозы, иногда сводя их вместе, а иногда раздвигая, вызывая молнию, согласно нелогичным верованиям китайских предков. Согласно некоторым традициям, Хо-шэнь была богиней огня в некоторых древних китайских

регионах [3, с. 391]. Один из духов огня, Хо-син («Звезда огня»), также почитался древними китайцами [4, с. 748].

Четыре нации мира (Восток, Юг, Север и Запад) были включены в древнюю модель вселенной, согласно китайской мифологии, вместе с небом. У каждой нации был сильный герой-демиург. История Дун Вангуна – восточного императора, который занимал огромный каменный дом, рассказана в «Книге гор и морей». У него был хвост тигра, лицо птицы и человеческий облик, ростом один чжан [5]. Западный царь Бай-ди («Белый правитель») является предметом мифологии, обнаруженной в апокрифической литературе начала века. Китайский фольклор утверждает, что дух Байху («Белый тигр»), который появлялся как злобный зверь, отпугивающий всех злых духов, был покровителем Запада [2, с. 334]. Отрывок из повествования о Хэй-ди («Черный государь») – северном царе – можно найти в источниках Ван Фу (начало н. э.) [4, с. 755]. В «Речах царств» (IV в. до н. э.) говорится, что Янь-ди («Повелитель пламени») вместе со своим потомком – богом огня Чжужуном – правили южными территориями [2, с. 409–410]. Таким образом, мифологическим сознанием древних китайских этносов сконструировано много образов высших персонажей, представленных высшими божествами, которым подчинялись все низшие божества и духи. Посредством мифов о них объяснялась сущность происходящих явлений и процессов в среде обитания белорусских и китайских этносов.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 4-е изд. – М.: Сов. Россия, 1982. – 318 с.
2. Беларуская міфалогія: энцыклапед, слоўнік / С. Санькі [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск: Беларусь. – 2006. – 599 с.
3. Китайская мифология: энциклопедия / сост., общ. ред., предисл. К. Королева. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 416 с.
4. Мифология: ил. энцикл. слов. / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – СПб.: Фонд «Ленингр. галерея»: Норинт, 1996. – 843 с.
5. Шань хай цзин (Каталог гор и морей) / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения; предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной; отв. ред. Т. В. Степугина. – М.: Наука, 1977. – 235 с.
6. Шуцкий, Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Шуцкий. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 2003. – 606 с.
7. 马卉欣《盘古之神》，上海文艺出版社，1993年，302页= Ма, Хуи Син. Мифы о Пан гу / Ма Хуи Син. – Шанхай: Шанхайское изд-во лит-ры и искусства, 1993. – 302 с.